

ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКВЕСТИВОВ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

М.Ю. Россихина

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
e-mail: rosmira@yandex.ru

Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»

И.И. Икатова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории английского языка и переводоведения
e-mail: Ikatova_Inna@mail.ru

Брянский государственный университет

В рамках теории релевантности, которая продолжает активно разрабатываться в основном в западноевропейской лингвистике, описаны прагматические характеристики и определена степень релевантности конвенциональной прямой и косвенной просьбы в русском языке в сопоставлении с соответствующими реквестивами в английской лингвокультуре. Исследование проведено в плоскости пересечения прагма- и социолингвистики, когнитивной и интерпретационной лингвистики. Основная проблематика работы обусловлена необходимостью выявления наиболее эффективных методов анализа и интерпретации вербального поведения в моно- и кросс-культурной перспективе. В результате анализа инференционных процессов, имеющих место в интерпретации адресатом исследуемых высказываний, выявлено сходство на стадии обработки пропозициональной формы прямых и косвенных просьб и различие в проявлении контекстуальных эффектов в случае косвенных просьб в двух языках: в частности, степени затрачиваемых адресатом усилий для распознавания намерений говорящего в случае косвенной просьбы. Несмотря на то, что косвенность высказываний снижает их импозитивность, делая реквестивы более вежливыми, эксперименты показали отсутствие дополнительных когнитивных затрат на обработку высказываний, содержащих маркеры вежливости в английской лингвокультуре. Однако анкетирование русскоязычных коммуникантов свидетельствует о том, что процесс понимания, протекающий на фоне определенных ожиданий, превосходящих гипотезы об имплицитных послылках и заключениях, и, следовательно, степень релевантности реквестива, зависит от наличия/отсутствия стратегий вежливости. Конвенциональность рассматриваемых реквестивов сводит к минимуму усилия по распознаванию их информационного содержания, следовательно, максимальная/оптимальная релевантность варьируется не только значением слов, составляющих просьбу, но и особенностями личностного опыта эмоций и переживаний каждого индивида.

Ключевые слова: теория релевантности, экспликатура, имплицатура, максимальная и оптимальная релевантность, прямые и косвенные просьбы, теория вежливости, инференция.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена неослабевающим в течение многих десятилетий интересом со стороны самых разных наук к изучению алгоритма процесса понимания вербальной коммуникации. Список исследований, имеющих непосредственное отношение к данной области, огромен. В русле логико-семантического подхода стоит отметить разработку теории абдуктивных умозаключений Ч.С. Пирсом [Pierce 1998], моделирование процесса понимания Д.Ч. Гудингом [Gooding 2010], изучение имплицитного компонента значения Г.П. Грайсом [Grice 1975], К. Бахом [Bach 2004] и др. Активное развитие науки позволило включить исследование мышления в естественных условиях коммуникации в проблемное поле психологии, психолингвистики и нейропсихологии. Теория ментальных моделей Ф. Джонсона-Лейрда [Johnson-Laird 1995], ситуационные модели Т.А. ван Дейка и У. Кинтша [Dijk 1983], конструктивно-интеграционная модель У. Кинтша и П. Мангалата [Kintsch 2011] и многие другие обеспечили успех в разработке инференционного подхода к выведению знания.

Значительные достижения в отечественной науке в сфере исследования процесса понимания значения в психолингвистике А.А. Залевской [Залевская 2005; 2013; 2014] и В.В. Красных [Красных 2002], разработка теории концептуального моделирования в когнитивной лингвистике В.З. Демьянковым [Демьянков 1989] и Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004], изучение логико-лингвистических процедур смыслоформирования М.Л. Макаровым [Макаров 2003] и Е.В. Падучевой [Падучева 2004] позволили упорядочить основные принципы переработки поступающей информации в сложном процессе человеческого познания и общения.

В сложившемся междисциплинарном инференционном подходе к изучению смыслообразования несомненная научная значимость принадлежит и теории релевантности (далее TR) Д. Спербера и Д. Уилсона. Данное моделирование механизма умозаключения менее исследовано в России, хотя авторы теории релевантности не раз подчеркивали, что их труд открывает широкие возможности для дальнейших открытий в области теории коммуникации и когниции, и как любые другие теории она требует проведения экспериментов и эмпирических исследований для уточнения, опровержения и дальнейшего совершенствования ее основных положений [Sperber 2004: 625]. Обзор литературы выявляет активное обсуждение вопросов относительно максимального и оптимального уровня релевантности, классификации имплицатур и экспликатур; обсуждается

также модулярный подход к инференции, возможность выделения специального суб-модуля, обеспечивающего понимание при интерпретации интенций адресанта, вопрос об интуитивности/рефлексивности инференционных процессов и т.д.

Однако Д. Спербер и Д. Уилсон исследовали прежде всего когнитивные аспекты коммуникации, что впоследствии вызвало волну критики со стороны социо- и прагмалингвистов, справедливо подчеркивающих социальный характер общения, который остался за пределами ТР. Следовательно, с целью получения более объективной картины процесса коммуникации необходимо рассматривать оба аспекта в равной мере, привлекая также эмпирические наблюдения. Учет прагма- и социолингвистического аспектов предоставляет возможность поиска нового интегративного подхода к исследованию механизма понимания, так как процесс выведения заключений осуществляется не абстрактным индивидом, а представителем определенной культуры со своими ценностными ориентациями, интегрирующим результаты личного и коллективного опыта в данной ситуации.

Предлагая свое видение процесса интерпретации для получения умозаключения, большинство теоретиков полагает, что взаимопонимание в процессе коммуникации, в основном, достигается через рационально-логическое исчисление смыслов, объективно заданных либо структурой какой-либо единицы языка, либо стоящим за ней концептом, т.е. происходит «построение возможных контекстов для интерпретируемых выражений», что «связано с гипотетическим выдвижением вероятных логических выводов, основанных на знании языка, информации из текста, фоновых знаний» [Демьянков 1989: 125]. Но рационально-логические – с чьей точки зрения? Многочисленные исследования вербальной коммуникации различных культур уже давно доказали необходимость дифференцированного подхода к интерпретации культурных феноменов, поэтому теория может обобщить и объяснить «смысловую семантику национально-культурного универсума» [Фефелов 2016: 79] только путем выведения закономерностей из реальных фактов использования языка. Следовательно, апробация ТР на материале другой культуры с использованием формально-логического подхода и коммуникативно-прагматической парадигмы и есть ответ на приглашение Д. Спербера и Д. Уилсон к выработке общей системы критериев и ориентиров понятийного анализа, демонстрирующей не только самые общие черты инференционного процесса, но и отражающей влияние культурных ценностей на этот процесс.

Таким образом, целью статьи является сопоставительный анализ речевых актов в русском и английском языках, позволяющий проследить имплицитную причинность, прецедентность и другие особенности инференционных процессов, принимая во внимание

национально-культурную специфику общения. Все вышеупомянутые этапы смыслопорождения и рецептивно-интерпретационной деятельности имеют непосредственное отношение к вопросам языкового сознания и языковой картины мира в общетеоретическом плане, поэтому представляется интересным исследовать не только языковой материал разных лингвокультур «вне зависимости от преобразований, накладываемых индивидуальным сознанием и конкретной ситуацией общения» [Яковлев 2018а], но и личностно-социальную диалектику языка, отражающую «связь рационального (если угодно, когнитивного), эмоционального и чувственного аспектов» [Яковлев 2018б] деятельности человека.

Исследовательский ракурс компаративного анализа реквестивов

Для рассмотрения были выбраны три речевых акта, выражающих просьбу передать плату за проезд в общественном транспорте: реквестивы *Передай(те)!* (1), *Передайте, пожалуйста!* (2), *Не могли бы Вы передать?* (3), которые являются частью вербальных обменов между незнакомыми людьми в типичных ситуациях межличностного общения. Выбор данных конструкций обусловлен следующими причинами. Во-первых, имеются исследования (хотя и немногочисленные в рамках ТР) просьб в английском вербальном поведении, а во-вторых, как конвенциональные фразы они исключают множественность вариантов интерпретации, непосредственно указывая на буквальное прочтение в определенной ситуации. Вышеназванные русские конструкции будут сравниваться со следующими английскими реквестивами: *Close the window! Can you close the window?*, где первый представляет собой императив, как и русские высказывания (1) и (2). Переводческую эквивалентность интеррогатива (3) не представляется возможным соблюсти полностью, поскольку перевод *Can't you open the window?* в большинстве контекстов имеет коннотацию упрека, а более вежливая и поэтому представляющая собой более точный перевод форма *Could you close the window (please)?* не анализируется в английских источниках. Но для настоящей статьи указанное несоответствие не имеет большого значения: важно, что и *Не могли бы Вы передать?*, и *Can you close the window?* – это вопросительные конструкции, выражающие вежливые косвенные просьбы в обеих лингвокультурах.

Анализ русских реквестивов будет проводиться в рамках логико-рациональной процедуры, предложенной Д. Спербером и Д. Уилсон и впоследствии использованной зарубежными лингвистами при интерпретации упомянутых речевых актов.

Следует также отметить, что хотя в общественном транспорте просьба передать плату за проезд может быть выражена и невербальными средствами (можно просто протянуть деньги рядом стоящему пассажиру),

наша задача – интерпретация речевых актов, когда возможно обеспечить необходимую степень эксплицитности, что часто проблематично при невербальной коммуникации.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть предложенную Д. Спербер и Д. Уилсон модель коммуникации подробно, поэтому мы остановимся лишь на положениях, имеющих непосредственное отношение к исследованию, и проиллюстрируем их на примерах русской лингвокультуры, применяя формально-логический подход.

Разрабатывая свою концепцию, Д. Спербер и Д. Уилсон опирались на труды философа-лингвиста Г.П. Грайса, в частности, на его положение о коммуникации как о процессе, во время которого интерактанты выражают свои намерения и распознают намерения другого [Grice 1975]. Д. Спербер и Д. Уилсон, используя наработки когнитивной психологии, рассматривают вербальное взаимодействие как одну из форм остенсивно-инференционной коммуникации. Посредством остенсивного стимула говорящий привлекает внимание слушающего, намереваясь, во-первых, побудить собеседника реализовать конвенциональное действие (в нашем случае передать плату за проезд) в соответствии с условиями коммуникации (информативное намерение) и, во-вторых, наиболее эффективным способом донести до адресата свое коммуникативное намерение. Д. Спербер и Д. Уилсон рассматривают интерпретацию высказывания как двухфазовый процесс: фаза модулярного декодирования характеризуется как ступень, на которой закодированная с помощью языка логическая форма обогащается за счёт контекста и используется в инференционной фазе для построения гипотезы об информативной интенции говорящего. Для понимания высказывания адресат, во-первых, рассматривает его как проявление намерения говорящего передать какую-то информацию и из данного коммуникативного намерения делает вывод об информативном намерении. Адресат заведомо ожидает релевантный вербальный вклад, то есть его (адресата) затраты на обработку данных дадут максимальный эффект. Максимальная релевантность достигается, когда при прочих равных условиях достигается наибольший эффект при наименьших затратах на обработку полученных данных [Wilson 2004]. Подобное можно наблюдать в ситуациях угрозы здоровью или жизни адресата, когда его/ее останавливают императивом «Стой(те)!», вместо, скажем, более длинной фразы «Не надо туда идти!».

Оптимальная релевантность достигается, если выбранный стимул в полной мере соответствует личным предпочтениям и способностям говорящего и представляет собой ценность для затраты адресатом усилий по его обработке [Sperber 1995]. Так, например, учительница, пытаясь остановить не в меру разговорчивую коллегу, мешающую сосредоточиться на проверке тестов, может сказать ей: «Замолчи!», но скорее всего, не

сделает этого по моральным соображениям (отражение личных предпочтений говорящего). С другой стороны, адресат из-за нехватки времени может проигнорировать фразу незнакомого прохожего *Можно Вас спросить?*, поскольку она предполагает несколько прочтений и в определенных ситуациях не рассматривается адресатом как нечто важное и требующее его внимания.

Остенсивно-инференционная коммуникация учитывает и фактор адресанта (проявление остенсивности намерений), и адресата (установление релевантности высказывания с помощью инференций), что отражает два принципа релевантности – коммуникативный и инференционный. Не менее важными в ТР являются также понятия имплицитной посылки и имплицитного заключения. Имплицитная посылка отражает извлекаемую адресатом из контекста прагматическую информацию, необходимую для имплицитного заключения, что происходит благодаря некоторой общности когнитивной среды коммуникантов с опорой на информацию, накопленную индивидом в течение его жизни [Wilson 1993].

Прагматический аспект просьбы достаточно подробно рассматривался в отечественной лингвистической литературе, но исследований реквестивов в рамках ТР не проводилось. В частности, авторы намереваются сравнить прямые и косвенные просьбы в русской и английской лингвокультурах, используя остенсивно-инференционную модель анализа, сопоставив затем результаты с эмпирическими данными. Выполнение этой задачи потребует рассмотрения следующих вопросов:

- провести анализ гипотез об экспликативном содержании высказываний и возможных имплицитных посылок и заключениях в рамках процесса конструирования слушающим предположений об интенциях говорящего;
- выявить инференционную последовательность, задействованную в обработке информации высказываний;
- рассмотреть влияние феномена вежливости на процесс инференции.

Инференционное моделирование: релевантные характеристики реквестивов

Процесс инференции предполагает действие двух модулей: синтаксического (анализирует семантику входящих в высказывание единиц и расшифровывает его логическую форму) и прагматического, когда на основе логической формы достигается понимание коммуникативного содержания речевого акта [Wilson 2002]. Р. Карстон впоследствии показывает, что эти два модуля оперируют одновременно: прагматической интерпретации подвергается каждое слово, еще до того как смысл речевого акта декодирован полностью

[Carston 2002: 72–73]. Например, обращаясь к незнакомому человеку, прохожий может сказать: «*Вы что-то уронили!*», но может использовать и фамильярное *ты* (подразумевая, возможно, что адресат просто выбросил ненужный мусор, в то время как употребление *Вы* слушающий может истолковать как заботу о его интересах), которое значительно изменит прагматику контакта, то есть уже первое слово запускает процедуру инференции.

Д. Спербер и Д. Уилсон предлагают следующий алгоритм снятия неопределенности, как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне. На первом этапе адресат делает свое умозаключение об эксплицитном содержании высказывания с помощью декодирования, установления референции, снятия многозначности и других необходимых операций, то есть закладывает основу для гипотезы о возможных имплицитных намерениях (посылках) говорящего, переходя далее к этапу имплицитных заключений [Sperber 1995]. Но как позже установлено М. Джэри, этот процесс необязательно происходит в данной последовательности. Стадия имплицитных заключений может предшествовать созданию гипотезы об эксплицитном содержании высказывания (экспликатуры), поскольку процесс инференции может быть как линейным, так и реверсивным [Jary 2013].

В утвердительном высказывании его пропозиция выступает в качестве экспликатуры базового уровня в отличие от экспликатур более высокого уровня. Рассмотрим инференционное моделирование процесса понимания в рамках ТР на следующем примере.

В солнечный весенний день в России женщина с ребенком входит в микроавтобус и, заняв одно из свободных мест, говорит:

- *Как здесь душно!*

В соответствии с теорией релевантности для данного высказывания базовой экспликатурой послужит конструкция *В автобусе, где находится адресант и адресат(ы) душно*. Экспликатурой более высокого уровня выступит конструкция *Адресант считает, что в автобусе душно*.

В отличие от экспликатур имплицатуры не выводятся из одного только буквального прочтения (логической формы) высказывания, а интерпретируются с помощью контекста. Возможной имплицатурой данного примера может выступать конструкция *Говорящий просит адресата открыть окно*. Но это не единственная имплицитная посылка. Такие конструкции как *Говорящий просит водителя выключить отопление (включить кондиционер)* или как объяснение своим последующим действиям, когда она снимает с ребенка шапку и пальто, также удовлетворяют «презумпции» релевантности адресата.

Что касается анализируемых конструкций *Передай(те)! Передайте, пожалуйста! Не могли бы Вы передать?*, то первая из них практически не требует снятия многозначности благодаря стандартности

ситуации и наличия у интерактантов соответствующего опыта. Второе высказывание, хотя и включает маркер вежливости *пожалуйста*, также не осложняет процесс понимания с позиций ТР и не ведет к каким-то иным контекстуальным допущениям. Адресат интерпретирует его как *Говорящий просит передать плату и делает это вежливо*. Косвенная просьба, выраженная третьим высказыванием, пока не получила однозначного определения в дихотомии «экспликатура – импликатура». Рассматривая типичную просьбу *Can you open the window?* в английской лингвокультуре, некоторые лингвисты считают, что здесь происходит процесс конструирования экспликации высокого уровня, поскольку глагол *мочь* – это составная часть конвенциональной просьбы, где способность адресата выполнить действие не ставится под сомнение благодаря контексту, следовательно, вывод намерения *Говорящий спрашивает адресата, откроет ли тот окно* сразу же удовлетворяет любой пропозиции, содержащейся в третьем высказывании. Если же адресат по какой-то причине не может открыть окно (например, у него болят руки), то он просто даст отрицательный ответ на этот вопрос [Groefsema 1992].

Другие включают в процесс интерпретации данного речевого акта конструирование гипотез об имплицитных послылках. ТР предполагает, что, формулируя любой вопрос, адресант закладывает в него информацию о желательном (для него, адресанта) ответе. Так, спрашивая, *Did you close the door?* говорящий ждет положительного ответа, а в случае *Didn't you feel the same?* в соответствии с грамматикой английского языка отрицательный ответ будет более релевантным. Однако подобная семантическая «подсказка» в сочетании с необходимостью учета контекста создает дополнительные интерпретационные сложности для адресата [Ruytenbeek 2019: 84].

Суммируя вышесказанное, мы склоняемся к мнению, что косвенная просьба *Не могли бы Вы передать?* приводит к выводу сильной (т.е. выраженной явно) имплицатуры о необходимости передать деньги. Во-первых, в данном случае просьба – по сути, побуждение адресата к действию – передается вопросительной конструкцией, осложненной отрицательной частицей *не*, которая придает высказыванию смысл, ставящий под сомнение способность собеседника выполнить действие, то есть налицо – непрямая коммуникация, что позволяет говорить об имплицатуре. Но это сильная импликатура, поскольку высказывание представляет собой разговорную формулу, оно легко узнаваемо в целом ряде контекстов, поэтому его значение легко выводится адресатом.

Конструирование гипотез о максимальной/оптимальной релевантности реквестивов

Теперь перейдем к анализу этих выражений с точки зрения максимальной/оптимальной релевантности. Как было показано выше, экспликации яснее, чем импликации выражают смысловой потенциал высказывания и тем самым облегчают распознавание интенций, поэтому процедура интерпретации императивов в английском и русском языках будет менее продолжительной, чем косвенных просьб *Не могли бы Вы передать?* и *Can you open the window?*, но ненамного, поскольку целый ряд факторов, а именно воспроизводимость в готовом виде, устойчивость, узуальность и ситуативная обусловленность облегчают для реципиента процесс вывода необходимой информации и в исследуемых косвенных реквестивах.

Приступим к рассмотрению реального, а не логически мыслимого речевого поведения. Эксперименты, проведенные западноевропейскими лингвистами [Shapiro 1993; Vega Moreno 2007 и др.] свидетельствуют, что в стереотипной ситуации «рекуррентность обработки знакомых стимулов автоматизирует когнитивный процесс» [Vega Moreno 2007: 116], сокращая тем самым количество шагов, необходимых для итоговой интерпретации. Таким образом, можно сделать вывод: в соответствующем контексте, как в случае с косвенной просьбой *Can you open the window?* в английском языке, так и в русской лингвокультуре реквестив *Не могли бы Вы передать?* не потребует буквального прочтения как вопрос и поэтому удовлетворяет требованиям максимальной релевантности.

Обратимся теперь к прагматическому содержательному разнообразию изучаемых высказываний в обоих языках. Исследователи, анализирувавшие эмпирические данные по косвенным просьбам *Can you + Verb?* утверждают, что в данных конструкциях «вежливость не манифестируется и не является частью пропозиции» [Jary 1998: 59], а также что «конвенциональность подобной просьбы лишает ее маркированности в отношении вежливости» [Culpeper 2011: 61].

На наш взгляд, особенности русской лингвокультуры предполагают несколько иную прагматическую интерпретацию, но, чтобы избежать выводов, которые представляют собой точку зрения всего лишь двух авторов на данную проблему, мы провели анкетирование 100 респондентов в возрасте от 25 до 60 лет, задав им следующие вопросы:

1. Если к Вам с просьбой обращается незнакомый человек примерно одного с Вами возраста, обращаете ли Вы внимание, вежливо или невежливо она сформулирована?

2. Как бы Вы поступили, если бы в автобусе Вам протянули плату за проезд, сказав: «Передайте!»?

а) Молча выполнил(а) бы.

б) Выполнил(а) бы, но посчитал(а) ее грубой.

в) Не выполнил(а) бы.

3. В данной ситуации какую формулировку а) *Не могли бы Вы передать?* или б) *Передайте, пожалуйста!* Вы бы предпочли и почему?

Поскольку в русской лингвокультуре, в отличие от американской или английской, гендерный и возрастной факторы играют большую роль в коммуникации [Прохоров 2006], мы сочли необходимым обеспечить представительство разных групп респондентов. Большинство опрошенных (92 участника из 100) имеют высшее образование.

Таблица 1. Результаты опроса

	Мужчины (25-35 лет)	Женщины (25-35 лет)	Мужчины (35-50 лет)	Женщины (35-50 лет)
Число респондентов	30	30	20	20
Вопрос 1 <i>Да / Нет</i>	18/12	29/1	17/3	20/0
Вопрос 2				
а)	7	2	1	0
б)	23	28	19	20
в)	0	0	0	0
Вопрос 3				
а)	3	20	8	17
б)	27	10	12	3

Результаты показывают, что большинство респондентов обращают внимание на вербальную вежливость, причем для женщин она играет бóльшую роль, чем для мужчин. Ответы на вопрос 2 подтверждают данный вывод, выявляя также факт более внимательного отношения к формулировке просьбы у адресатов мужского пола старшего возраста по сравнению с молодыми людьми. Вопрос 3 выявил предпочтительность императива *Передайте, пожалуйста!* более вежливому интеррогативу *Не могли бы Вы передать?* среди респондентов мужского пола и у трети молодых женщин.

На просьбу объяснить причину своего выбора 11 респондентов затруднились с ответом, остальные указали на следующие факторы.

Наиболее типичным ответом о предпочтении императива (2) оказался комментарий: «*Это вежливая, но более короткая фраза*» (71%). Другие (17%) подчеркнули *типичность* ситуации, в которой люди по очереди берут на себя право «попросить об оказании услуги» и обязанность «передать» деньги. Третьи (12%) отметили *незначительность* просьбы, которая не требует чрезмерной вежливости.

Все выбравшие интеррогативную конструкцию объяснили, что они обычно предпочитают более вежливые формы просьбы.

Интересно, что во всех трех случаях опрошенные передали бы плату за проезд, следовательно, эффективность коммуникации, в отличие от прочих эффектов, в данной ситуации не зависит от степени вежливости реквестива. Инференционный же процесс замедляется, когда интерактант встречает в речи собеседника незнакомую фразу или непривычную формулировку [Forster 1973]. Услышав нарочито (не)вежливую просьбу, не отвечающую его ожиданиям, адресат задается вопросом *Почему?*, что увеличивает время и усилия на обработку информации.

Интерпретация результатов исследования

Если в английской косвенной просьбе *Can you + Verb?* «вежливость, реализованная в данной конструкции, остается незамеченной, воспринимаясь как нечто само собой разумеющееся» [Ruysenbeek 2019: 86], то в русском реквестиве *Не могли бы Вы передать?* для целого ряда интерактантов она явно выражена.

Согласно коммуникативному принципу релевантности остенсивный стимул релевантен для адресата, если он, во-первых, достаточно релевантен, чтобы представлять собой ценность для затраты слушающим усилий по его обработке и, во-вторых, отвечает способностям и предпочтениям говорящего. Все три анализируемые конструкции в русском языке отвечают первому условию. Что касается второго условия, то говорящий скорее выберет либо конструкцию *Передайте, пожалуйста!*, либо *Не могли бы Вы передать?*, так как они отвечают его желанию избежать грубости в общении.

Высказывание *Передай(те)!* как остенсивный стимул обладает максимальной релевантностью: при минимальной затрате усилий на его обработку достигается наибольший когнитивный эффект, т.е. на семантическом уровне это наиболее экономный способ передачи информации. Однако его оптимальная релевантность ниже (разумеется, не во всех контекстах), чем в просьбах (2) и (3), поскольку не все интерактанты воспримут ее как приемлемую форму реквестива.

В просьбе *Передайте, пожалуйста!* оптимальная релевантность выше за счет присутствия стратегии вежливости, поскольку согласно ТР степень понимания сказанного определяется ожиданиями адресата относительно соответствия высказывания определенным стандартам [Wilson 2009: 393], в данном случае нормам общения, типичным для подобной ситуации.

И, наконец, просьбу (3) в определенном контексте (например, говорящий просит адресата, у которого заняты руки, передать плату) одни интерактанты сочтут более релевантной, чем высказывание (2), в то время как другие (см. объяснения респондентов, выбравших просьбу (2)), предположат, что собеседник неправильно истолкует остенсивное (явное, нарочитое) проявление вежливости в стереотипной ситуации.

Из вышеизложенного следует, что классический алгоритм процесса понимания согласно ТР (создание гипотез сначала на основании экспликации, а затем с учетом имплицитных контекстных предпосылок и вывод окончательного заключения), т.е. его информативную составляющую необходимо дополнить чувственной и эмоциональной составляющими (см. введение). Устойчивое, вызывающее определенные эмоции отношение к наличию/отсутствию стратегий вежливости самым непосредственным образом влияет на декодирование поступающей информации. В нашем случае это, например, представление определенной группы интерактантов о том, что *Передайте!* – грубая форма, или что фраза *Не могли бы Вы передать?* – чрезмерно вежлива в данной ситуации. В то же время определенный контекст может спровоцировать неожиданные эмоции, которые в отличие от чувств, характеризуются изменчивостью и непостоянством, что окажет влияние на процесс интерпретации.

Высказывание *Передайте!* обладает максимальной релевантностью на информативном уровне, но у части интерактантов на чувственном и/или эмоциональном уровне, она активирует процесс обработки ее имплицитного содержания: *Почему ко мне так грубо обратились?*, в то время как более семантически насыщенная фраза *Передайте, пожалуйста!* наоборот может и не вызвать интерпретацию стоящих за ней неязыковых факторов. Конвенциональность рассмотренных реквестивов сводит к минимуму усилия по распознаванию их информативного содержания, но на личностно-эмоциональном уровне снятие адресатом интенциональной неопределенности потребует больше времени, т.е. максимальная/оптимальная релевантность будет определяться не только значением слов, составляющих просьбу, но и индивидуальным опытом эмоций и переживаний, поскольку любое явление (языковое и неязыковое) преломляется каждым индивидом через «свою концептуальную сетку, свою психологию и свою систему ценностей» [Фефелов 2016: 79].

Заключение

Итак, сравнительный анализ реквестивов в английской и русской лингвокультурах выявил определенные достоинства ТР для описания прагматических характеристик рассматриваемых речевых актов. Определив характер пропозиции анализируемых реквестивов, мы выявили совпадение в логике конструирования экспликатур и имплицатур выбранных английских и русских прямых и косвенных просьб. Однако, проследив дальнейший инференционный процесс, мы установили различия в объемах когнитивных усилий, затраченных на обработку косвенной просьбы в двух лингвокультурах и, следовательно, разную степень релевантности, что свидетельствует о необходимости учета

социокультурных особенностей при анализе коммуникации. Более того, опрос носителей русского языка, показал, что процесс инференции каждого индивида вследствие отсутствия/присутствия стратегий вежливости сопровождается чувственно-эмоционально рефлексией, что влияет на характер и продолжительность обработки информации.

Не оспаривая того факта, что ТР открывает перспективу дальнейших исследований реального вербального поведения в определенном контексте, анализ речестивов показал, что для получения более полной картины процесса и результата понимания требуется привлечение теории языкового сознания, а также не только наработки в области логики и этнопсихолингвистики, нейропсихологии (для описания работы кратковременной и долговременной памяти, внимания и органов чувств) и теории искусственного интеллекта (для выявления форм кодирования поступающей информации), но и постоянный анализ языковых фактов, проявляющихся в выбранном исследователем эмпирическом материале, что может внести вклад в создание единых теоретико-методологических положений в моделирование процесса понимания.

Библиографический список

Демьянков В.З. Интерпретация, понятия и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. 172 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.

Залевская А.А. Топы как смысловые инварианты высказываний: роль в познании и общении // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2013. Вып. 2 (5). С. 38–45.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. IASHE. London, 2014. 179 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: «Гнозис», 2003. 280 с.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 607 с.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.

Фефелов А.Ф. Вопрос о переводимости культур в современной теории межкультурного общения (проблемы методологии) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 1. С. 63–85.

Яковлев А.А. «Языковое сознание» и «языковая картина мира»: совместимость понятий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018а. № 2. С. 57–69.

Яковлев А.А. Лингвистическая основа общей теории языкового сознания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018б. № 3. С. 45–55.

Bach K. Pragmatics and the philosophy of language. In: Horn L.R., Ward G. (Eds). The Handbook of Pragmatics. Blackwell, Oxford. 2004. Pp. 463–487.

Carston R. Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication. Blackwell, Oxford. 2002. Pp. 621–628

Culpeper J. Impoliteness: Using Language to Cause Offence. CUP, Cambridge. 2011. 292 p.

Dijk van T.A., Kintch W. Strategies of discourse comprehension. New York: Academic Press. 1983. 389 p.

Forster K.I., Chambers S.M. Lexical access and naming time. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1973. Vol. 12. № 6. Pp. 627–635.

Gooding D.C. Visualising scientific inference. Topics in cognitive science. 2010. Vol. 2. Pp. 15–35.

Grice H.P. Logic and conversation. In: Cole P., Morgan J.L. (Eds.). Syntax and Semantics, Speech Acts. Academic Press. New York, 1975. Vol. 3. Pp. 41–58.

Groefsema M. “Can you pass the salt?”: a short-circuited implicature? *Lingua*, 1992. Vol. 87. № 3. Pp. 103–135.

Jary M. Relevance theory and the communication of politeness. Journal of Pragmatics. 1998. № 30. Pp. 1–19.

Jary M. Two types of implicature: material and behavioral. *Mind Language*, 2013. Vol. 28. № 5. Pp. 638–660.

Johnson-Laird P.N. Mental models, deductive reasoning and the brain. In: Gazzaniga M.S. (Ed.). Cognitive neurosciences. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1995. Pp. 999–1008.

Kintsch W., Mangalath P. The construction of meaning. Topics in Cognitive Science. 2011. № 3. Pp. 346–370.

Peirce Ch.S. The Essential Peirce. 2 vols. In: N. Houser, Ch. Kloesel (Eds). The Peirce Edition Project. Indiana University Press, Bloomington, Indiana. 1998. 557 p.

Ruytenbeek N. Do indirect requests communicate politeness? An experimental study of conventionalized indirect requests in French email communication. *Journal of Politeness Research*. 2019. Vol. 142. Pp. 78–89.

Shapiro A., Murphy G. Can you answer a question for me? Processing indirect speech acts. *Journal of Memory and Language*. 1993. Vol. 32. № 2. Pp. 211–229.

Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Blackwell, Oxford, 1995. 338 p.

Vega Moreno R. *Creativity and Convention, the Pragmatics of Everyday Figurative Speech*. Benjamins, Amsterdam/Philadelphia. 2007. 249 p.

Wilson D., Sperber D. Linguistic form and relevance. *Lingua* 90. 1993. Pp. 1–25.

Wilson D., Sperber D. Relevance theory. *UCL Working Papers in Linguistics*. 2002. № 14. Pp. 249–290.

Wilson D., Sperber D. Relevance theory. In: L.R. Horn, G.L. Ward (Eds.). *The Handbook of Pragmatics*. Malden, Mass: Blackwell. 2004. Pp. 607–632.

Wilson D. Relevance theory. In: L. Cummings (Ed.). *The Pragmatics Encyclopedia*. London: Routledge. 2009. Pp. 393–399.